

П.И. Гайденко

ПОДВИГ ИНОЧЕСКОГО МУЧЕНИЧЕСТВА В КИЕВСКОЙ РУСИ: НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ

Феномен христианского мученичества на Руси неоднократно привлекал внимание исследователей. Значение подвига первых страдальцев и свидетелей веры в землях восточных христиан невозможно переоценить. Тем не менее совершавшееся ими свидетельство веры в условиях древнерусских социальных и религиозных реалий обладало своей спецификой: нередко мучителями становились те, которые тоже были христианами. В представленной статье предпринята попытка предварительного анализа описанной специфики первых десятилетий жизни русского христианства.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, мученики, церковно-государственные отношения, древнерусское монашество.

Едва ли может считаться случайным тот факт, что рождение древнерусского монашества связано с именем Антония Великого. Действительно, возникновение и развитие иночества в двух важнейших политических, культурных и церковных центрах Руси, Киеве и Новгороде, сопряжено с деятельностью подвижников, носивших имя этого прославленного древнехристианского аскета. Таковыми оказались основатель Печерского монастыря вблизи главной киевской великокняжеской резиденции в Берестово, Антоний Печерский, и создатель обители в честь Пресвятой Богородицы в пригороде Новгорода, Антоний Римлянин. Как хорошо известно, первый из них принял постриг на Афоне¹ и, судя по созданному им пещерному монастырю, был хорошо знаком с палестинской и египетской иноческими традициями², а второй — происходил из Ир-

Павел Иванович Гайденко — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, доцент кафедры истории и культурологии Казанского государственного архитектурно-строительного университета (paul08kaz@gambler.ru).

¹ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144; Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / Под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 2004. С. 316, 317.

²В историографии неоднократно высказывалось мнение о возможной преемственности Печерского монастыря от пещерных обителей Крыма (*Харин Е.С.* Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы / Дисс. к.и.н. Ижевск, 2007. С. 22; *Раймер И.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Berlin, 1996. С. 66). При определенном идейном сходстве пещерного общежития в Крыму и в Киеве: и там, и здесь оно основано на смертном памятовании (*Никитенко М.М.* Пещеры Киевской Лавры: их истоки и миссия // Византийский временник. М., 2005.

ландии³. Нельзя сказать, что до них на Руси не было монахов и монастырей. И Повесть временных лет, и новгородское летописание, и знаменитое «Слово» Илариона, и Печерский патерик, и жития Феодосия Печерского и Антония Римлянина, как и фрагменты утраченного жития Антония Печерского, ясно указывают на то, что уже задолго до начала подвижнических трудов обоих русских Антониев в Киеве, Новгороде и, возможно, иных городских центрах присутствовали иноки, жизнь которых была нередко связана с деятельностью той или иной обители⁴.

№ 64(89). С. 181), монашеская жизнь обители Антония и Феодосия уже на раннем этапе своего существования принципиально отличалась от быта пещерных монастырей Крыма и в большей мере напоминала пещерные обители Палестины. Здесь, в подземном монастыре Антония, или, как его называют, Дальних пещерах, связанных с варяжскими пещерами, долгое время отсутствовали хозяйственные помещения, трапезная и даже церковь. Более того, жизнь монахов в этом месте носила характер отшельничества. Крымские монастыри в своем большинстве, напротив, были общежительными, рассчитанными на большое число насельников, обладали оградой, значительным числом подсобных, хозяйственных, трапезных и иных бытовых и богослужебных помещений, а также оставались открытыми для паломников и местных жителей. Очевидно, что на берегах Днепра жизнь иноков была иной и носила явные признаки крайнего аскетизма, располагавшего к уединению (Никитенко М.М. Пещеры Киевской Лавры: их истоки и миссия... С. 182–183; Гайдюков Н.Е., Днепровский Н.В. Типология и структура комплексов, включающих пещерные храмы юго-западной Таврики // Пещерные церкви и монастыри Византии и Руси. Материалы международной научно-практической конференции. Саранск: Саранское духовное училище, 2011. С. 19–22; Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни. Т. 2: Пещерные святыни христианской Руси: генезис, функционирование, контекст. СПб., 2010. С. 131–135).

³Мильков В.В. Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI век. 2010. № 6. С. 93; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. С. 46–48.

⁴О том, что уже во времена Владимира Святославича на Руси, или по крайней мере в Киеве, присутствовало монашество можно судить по известиям мниха Иакова, упоминавшего об участии иноков в великокняжеских пирах (Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М., 2010. С. 285). В качестве еще одного свидетельства полноценной монашеской жизни в пределах государства Рюриковичей в середине XI в. могут рассматриваться похвальные слова в адрес Ярослава, чье правление, по словам Илариона и составителя Повести временных лет, ознаменовалось в том числе строительством монастырей, распространением иночества и «любовью» сына крестителя Руси к «черноризцам» (Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период... С. 186; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139). Не менее примечательны летописные и патериковые известия о безуспешных попытках Антония и Феодосия по их прибытии в Киев найти себе место в уже имевшихся монастырях (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144; Киево-Печерский пате-

Подобно тому как в Византии и Западной Европе коптский отшельник Антоний почитался родоначальником египетского иночества (и в целом всего иночества), хотя и до Антония Великого пустыни Египта уже были заселены монахами⁵, так и Антоний Печерский, а также воспитанные им его ближайшие приемники воспринимались современниками и многими поколениями русских христиан как отцы древнерусского монашества⁶. Во всяком случае, нельзя исключить того, что нареченное русскому подвижнику из Любеча при его постриге имя изначально отражало намерение афонитов со временем увидеть в Антонии насадителя иночества в землях восточных славян. К такому умозаключению подводят слова преподобного Нестора. В своем Сказании о начале Печерского монастыря он сообщает, что после пострига, получив от афонского игумена наущение «черническому образу», Антоний принял от своего наставника следующее назидание: «Да иди опять на Русь и буди бл(а)г(ослове)ние от С(вя)тыя Горы и мнози от тебе чернорисци будутъ»⁷. Примечательно, что при характеристике Антония Печерского и его преемников Никона⁸ и Феодосия составитель Печерского патерика и Жития Феодосия применяет именование «великий»⁹, подобно тому, как назывался в церковной литературе основатель египетского монашества, Антоний Великий. Особенно отчетливо это сопоставление обнаруживается в отношении Антония Печерского: «И прошла о нем слава, как о Великом Антонии»¹⁰. Подобная характеристика прозвучала и в похвале преподобному Феодосию: «Радуйся, будучи наставником отцов печерских, ты сам следовал

рик... С. 316, 317; Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. М., 1978. С. 316, 317).

⁵Афанасий, архиеп. Александрийский, свт. Житие Антония Великого // Православная электронная библиотека. URL: lib.pravmir.ru/library/readbook/54 (дата обращения: 23.04.2015); Войтенко А.А. Культ св. Антония Великого в византийском Египте // Византийский временник. М., 2013. № 72(97). С. 147–163; Войтенко А.А. Антоний Великий // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 659–662; Беспяхотная Е.П. Антоний Великий [Гимнография] // Православная энциклопедия. Т. 2. С. 662–663; Герасименко Н.В. Антоний Великий [Иконография] // Православная энциклопедия. Т. 2. С. 663–664.

⁶Оценку деятельности прп. Антония, Никона и Феодосия см.: Смолич И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 25–27; Раймер И. Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Berlin, 1996. С. 67–69.

⁷ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144; Киево-Печерский патерик... С. 316, 317.

⁸Житие Феодосия Печерского... С. 319, 323, 325, 327, 329, 343, 345, 365, 383.

⁹Киево-Печерский патерик... [Антоний]: С. 299, 303, 319, 393, 477; [Феодосий]: С. 331, 337, 351; Житие Феодосия Печерского... [Антоний]: С. 307, 317, 323; [Феодосий]: С. 333, 337, 339, 341, 343, 345, 361, 363, 381.

¹⁰Киево-Печерский патерик... С. 318, 319.

святых отцов учению, и нраву, и воздержанию, и божественному их молитве предстоянию, более же всего подражал Великому Антонию, основателю монашества, обычаем и житием уподобившись житию его и следуя его привычкам, стремясь от одного дела к другому, лучшему, обычные молитвы к Богу вознося как благоуханный аромат, как ладан благовонный, кадилом молитвенным!»¹¹

Необходимо заметить, что рождение в IV в. монашества было связано с определенным кризисом христианского мира. По мере интеграции христиан в институты империи и в результате исчезновения или угасания феномена мученичества («мартириа»), свидетельство веры через посредство перенесения страданий и смерти от рук язычников и иноверцев¹²) христианское сообщество испытывало крайне острую потребность в актуализации евангельских ценностей. Монашество, выразившееся в максималистском поиске частью христианского населения империи предельного совершенства посредством покаяния и отречения от земных благ теперь уже христианского мира, стало той силой, которая вскоре после своего возникновения стала восприниматься в церковном сознании как идеал, запечатленный уже в самом наименовании святых иноков — «преподобные», т.е. в высшей степени подобные Богу¹³. Исполнение иноками довольно тяжелых обетов, являвших и в символическом, и в обычном понимании преодоление оков греха через добровольные страдание и покаяние, ставило монахов на одну ступень с мучениками. Однако в отличие от физического страдания «мученичество» монашества, благодаря словам Афанасия Александрийского, стало порой восприниматься как «мученичество совести», что требует определенных пояснений. Между тем подвиг монашества действительно призывает, а порой и вынуждает человека, принявшего обеты, как проходить через внутренние страдания, вызванные борьбой со своими несовершенствами, так и переносить внешние унижения, еще более отождествляющие инока со страдальцами и мучениками.

Древнерусские летописцы и агиографы многократно используют термин «мученик», «страдалец» или «мучения» и «страдания» в отношении целого ряда русских святых подвижников: Бориса и Глеба, а также преподобных Моисея Угрина, Кукши, Григория Чудотворца, Евстратия, Никона и др. Не менее примечательно установление хорошо прослеживающихся в древнерусском искусстве и архитектуре иконографических параллелей между иноческим и мучени-

¹¹ Киево-Печерский патерик... С. 330, 331.

¹² Никулина Е.Н. Агиология: курс лекций. М., 2008. С. 92–95.

¹³ Там же. С. 137–144.

ческим подвигами¹⁴. С одной стороны, подобная оценка деятельности и места иночества в деле спасения мира оправдана и даже традиционна. С другой стороны, возникает не менее закономерный вопрос: насколько правомерно (канонично) отождествление страданий, выпадавших на долю того или иного монаха, с подвигом мученичества? Все же мученичество, в его первоначальном значении, есть смертные страдания, служащие свидетельством Христовой веры перед язычниками, иноверцами и отступниками.

В рассматриваемом отношении наиболее соответствует нормам греческой традиции понимания самый ранний пример мученичества как свидетельства веры через перенесение страданий и смерти — мученическая гибель варягов Феодора и Иоанна от рук киевских язычников¹⁵. Но необходимо заметить, что ни ранние летописные, ни раннее проложное сказания, донесшие известия о гибели варягов-мучеников, не позволяют сделать однозначного заключения ни о конкретном месте их мученичества, ни об именах варягов-христиан (Пролог упоминал лишь имя сына, Иоанна, которое, как и проложная дата мученической кончины тоже весьма сомнительно¹⁶), ни о месте погребения страдальцев, ни о распространенности почитания этой христианской семьи потомками. Полное «восстановление» имен варягов-мучеников произошло только в XV–XVI вв., в 4-й Новгородской и Никоновской летописях¹⁷.

Судя по всему, повествование, легшее в основу Летописного сюжета о варягах-страдальцах на Руси, возникло не позднее 90-х годов XI в., а во второй половине XII в. оно попало в Пролог, что, вероятно, объяснялось целью прославления этих лиц¹⁸. Тем не менее истории Русской Церкви не известно почитание первых мучеников в форме особого культа. Во всяком случае, ни Е.Е. Голубинскому, ни В.П. Васильеву не удалось проследить какие-либо ясные и убедительные свидетельства.

¹⁴ Наиболее отчетливо это сопоставление и отождествление монашеского и ученического подвига прослеживается в программе росписей храма Спаса на Нередице и иных новгородских храмов (см. подробнее: *Гордиенко Э.Л.* Избранные святые новгородской монументальной живописи в системе богослужения XI – начала XIII в. // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2014. № 1. С. 5–13; *Пивоварова Н.В.* Фрески церкви Спаса на Нередице: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. С. 58–60).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 82–83; Т. 2. Стб. 69–71; Т. 3. С. 130–131.

¹⁶ *Клосс Б.М.* Житие Федора Варяга и его сына // *Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания / Аннотированный каталог-справочник; [под ред. Я.Н. Шапова].* СПб., 2003. С. 214.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 58–59; Т. 9. С. 41–42.

¹⁸ *Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2009. № 4(38). С. 95–96.

тельные следы не только прославления, но и церковного литургического чествования этих святых в Древней Руси¹⁹. Впрочем, в историографии неоднократно высказывалось мнение о том, что обнаруженные под развалинами Десятинного храма остатки безвестных захоронений²⁰ и знаменитая Турова божница, упоминающаяся в летописной статье 1146 г.²¹, были связаны с сохранением памяти о варягах Феодоре и Иоанне²². Однако приведенные исследователями доводы гипотетичны и встречают возражения если и не отвергающие данную версию полностью, то по крайней мере заставляющие существенно пересмотреть ее²³. Например, необходимо принять во внимание имя Феодора, если один из мучеников действительно носил это имя, — одно из самых почитаемых среди святых Византии, которому только в Константинополе было посвящено 15 церквей и два монастыря²⁴. Оказалось бы весьма удивительным, если бы и в Киеве имена Феодора Тирона и Феодора Стратилата не нашли своего отражения в церковном строительстве. И таковой храм, основанный в 1228 г.²⁵, и одноименный ему монастырь существовали, и стали местом непродолжительного монашеского пристанища князя Игоря²⁶. К тому же, учитывая, что термин «божница» чаще всего употреблялся в отношении латинских храмов, принадлежность этого

¹⁹ В своих крайне обстоятельных работах, посвященных вопросам канонизации в Древней Руси ни Е.Е. Голубинский, ни В.П. Васильев ни словом не обмолвились о варягах-мучениках (*Васильев В.П.* История канонизации русских святых // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1893. Кн. 3(166); *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903).

²⁰ *Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М., Л., 1961. С. 31–34; *Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы десятинная // Российская археология. 2004. № 1. С. 35–45.

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321.

²² *Шахматов А.А.* Как назывался первый русский святой мученик? // Известия Императорской академии наук. 4 серия. 1907. № 9. С. 261–264; Остатки дворца св. кн. Владимира // Вера и разум. 1911. № 18 (сентябрь). Кн. 2. С. 846; *Тальберг Н.* История Русской Церкви. Джорданвилл, 1959. С. 20.

²³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2002. С. 382–384; *Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках... С. 79–80.

²⁴ *Janin R.* La Géographie ecclésiastique de L'Empire byzantin. Première partie: Le siège de Constantinople et le patriarcat œcuménique. Т. 3: Les églises et les monastères. Paris, 1969. P. 148–155; *Этингоф О.Е.* Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России. М., 2005. С. 87.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293; *Каргер М.К.* Древний Киев... Т. 2. С. 428–439; *Асеев Ю.С.* Архитектура древнего Киева. Киев, 1982. С. 115–116.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 337.

храма к византийскому обряду также видится весьма дискуссионной. Наконец, в литературе высказывались и иные версии, допускавшие, что название храм мог получить как по имени, связанному с именем Тора²⁷, так и по имени своего возможного основателя Тура или одноименного урочища²⁸. Что же касается возможности возведения Десятинной церкви на месте легендарных страданий Федора и Иоанна, то площадь обнаруженных захоронений такова, что позволяет говорить о наличии на этом месте не одной могилы, а целого кладбища, которое, скорее всего, принадлежало киевской дружинной элите²⁹.

Что же касается анализа примеров мученичества или страданий среди монашества, ситуация видится еще более сложной. Действительно, древнерусские агиографы уже в Печерском патерике различали, с одной стороны, русских христиан и монахов, а, с другой — «иные языцы»: иудеев, мусульман, язычников, христиан латинского обряда³⁰. Но далеко не во всяком случае это противопоставление становилось проповедью христианства в том смысле, как ее понимали древние мученики, поскольку сами мучители нередко тоже оказывались христианами. К тому же акцентирование внимания на месте происхождения или жизни тех или иных персон в средневековых текстах было совершенно обычным³¹: оно отражает специфику государственного устройства и этнической культуры людей того времени — широкую систему прав городских общин и некоторых групп населения, сохранявших следы племенной памяти или по крайней мере различавших друг друга по этническому происхождению³².

В описываемом отношении заслуживают внимания страдания венгра Моисея Угриня. Родной брата Георгия, любимца св. Бориса «паче меры», погиб-

²⁷ Лукин П.В. Сказание о варягах-мучениках... С. 82–83.

²⁸ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 38–39; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 31.

²⁹ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 255.

³⁰ Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...» // Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Древнерусские патерики. М., 1999. С. 240.

³¹ Таковые акценты многочисленны: Моисей Угрин, Климент Смолятич и др.

³² Примером сохранения подобной памяти могут служить слова преподобного Нестора, перечислившего различные племенные союзы славян на территории Руси и напоминавшего об их единстве (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8–10). Несомненно, появление данной записи отражало эсхатологические представления летописца и его желание представить Русь богонзбранной и неотъемлемой частью огромного христианского мира (Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 148–152). Однако такое перечисление, могло иметь объяснение и в том, что данные различия продолжали существовать и по прошествии нескольких столетий и были хорошо знакомы Нестору.

шего вместе со своим князем на Альте³³, Моисей, согласно патериковому сказанию, входил в ближайшее окружение св. князя Бориса. После гибели своего господина Моисей нашел пристанище у Предиславы, одной из сестер Ярослава Мудрого. Вместе с ней волею обстоятельств он оказался в плену в Польше, будучи вывезен в обозе короля Болеслава. Там на него обратила внимание некая молодая знатная вдова. Юный Моисей пробудил в ней столь сильные страстные чувства, что она пробовала добиться внимания и ответной любви Моисея на протяжении шести лет. Молодому человеку пришлось пережить не только всевозможные издевательства и оскорбления, но и периоды, когда богатая вдова пробовала добиться его расположения ласками, дарами и даже посредничеством короля Болеслава. Свой отказ Моисей объяснял любовью к Христу. Как только представился случай, молодой человек принял постриг от некоего афонского инокa. Так и не достигнув желаемого, женщина приказала оскопить Моисея. Затем, после того как Болеслав внезапно умер, случился мятеж, вдова была убита. А Моисей ушел в Печерский монастырь, «нося на себе мученические раны и венец исповедания»³⁴.

Моисей Угрин, как удачно заметила Л.А. Ольшевская, проходит испытание любовью³⁵, причем жестокой и страстной женской любовью. Насколько реален и историчен агиографический образ вдовы, неспособной обуздать свои страсти и даже манипулирующей волей короля Болеслава, сказать трудно. Однако составитель сказания не был одинок в своем взгляде на женщин. Моление Даниила Заточника не без злого юмора представляет женщину в еще более ужасном виде. Учитывая статус Даниила, — надо полагать, женщину свободную и потому еще более отталкивающе коварную:

«Нет ничего на земле лютее женской злобы. Сперва из-за жены предок наш Адам из Рая изгнан был; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали, о злое острое оружие диавола и стрела, летящая с ядом»³⁶.

Вопрошание Кириково, отразившее вопросы духовнической практики в Новгороде, в значительной мере подтверждает не только наличие негатив-

³³ПСРЛ. Т. 2. Стб. 118–120; Въ тѣж д[е]нь съказание и страсть и похвала с[вя]тлюю м[у]ч[е]н[и]коу бориса и глеба г[осподи] бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII–XIII вв. / ИРЯ АН СССР. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 48; Киево-Печерский патерик... С. 416, 417.

³⁴Киево-Печерский патерик... С. 416–427.

³⁵Ольшевская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...»... С. 240.

³⁶Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 1: Домонгольский период... С. 159.

ной оценки женщины и мнения о ущербности и нечистоте перед мужчиной ее природы, но и тот факт, что нравы, царившие в девичьей и женской среде, были порой крайне далеки от христианских идеалов. Во всяком случае, судя по ряду вопросов, прозвучавших в упомянутом каноническом своде, с женщинами были связаны как блудные грехи, измены, колдовство, так и убийства³⁷. Об остроте проблемы можно судить по тому, что Вопрошание ясно свидетельствует, что найти для будущего священника достойную партию было непросто, а интимная брачная жизнь в священнических и диаконских семьях нередко представляла серьезные проблемы для духовников необузданностью чувств и невоздержанностью супругов в удовлетворении брачных желаний³⁸.

Так или иначе, но мученические страдания и «исповеднический венец» Моисея были результатом не свидетельства веры перед иноверцами³⁹, но желания молодого человека сохранить верность иноческим обетам⁴⁰. Т.е. действия мучителей, как знатной юной польской вдовы, так и самого христианского короля Болеслава, потакавшего капризной пани, в большей мере могут квалифицироваться как моральные и канонические, а не вероуचितельные отступления. Нечто подобное читается в истории еще нескольких печерских иноков: пле-

³⁷Кирик 49, 69, 70, 78-82, 94; Илья. 1-5; 8, 12-14, 17, 18 (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI-XV вв. СПб., 1880. Стб. 35, 41, 42, 45-46, 48-49, 57-58, 59-60; Вопрошание Кириково (Перевод) // Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 7. Отв. ред. И.А. Григорьева. М., 2011. С. 418, 420, 422, 423, 427, 428, 429; Гайденко П.И., Макаров А.И., Мильков В.В. Комментарии // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 7... [90, 127-129, 145-152, 172-174, 239-246, 252, 257-259, 262-265] С. 445-446, 451, 454-455, 457, 467-468, 469, 470).

³⁸Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 100; Гайденко П.И. Священная иерархия Древней Руси... С. 160-170.

³⁹Рассматривать в описываемый период христиан латинского обряда в качестве иноверцев ошибочно и даже недопустимо (об этом см. подробнее: Костромин К.А. Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI – сер. XII вв.): Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken, 2013).

⁴⁰Здесь все же необходимо заметить, что первоначально Моисей объяснял свой отказ от брака с богатой вдовой стремлением сохранить себя для Христа. Иночество он примет позже, чтобы подтвердить серьезность своих намерений. Однако сперва о монашестве составитель Сказания ничего не говорит. Если принять историчность патерикового рассказа, разумно допустить, что под верностью Христу могли пониматься и некие воинские обеты целомудрия наподобие тех, которые нередко давали в рыцарской среде Европы.

ненного половцами и проданного иудею Евстратия⁴¹; пережившего половецкий плен многотерпеливого Никона Черноридца⁴²; убитого язычниками преподобного Кукши, чья история — едва ли ни самая краткая в Патерике⁴³. Истории всех перечисленных печерских святых представлены в Послании епископа Симона к Поликарпу и объединены как идейно (мученичеством), так и композиционно (в тексте они представлены единым блоком). Правда, среди них выделяется история преподобномученика Евстратия.

Действительно, в той части, которая касается последних недель его жизни, житие Евстратия ставит вопросы, требующие пояснения. Патериковый рассказ сообщает, что, взятый половцами в плен, Евстратий был продан в рабство корсунским евреям. В этом же городе он и пострадал, распятый на кресте и прободенный копьем⁴⁴. Преступление это вызывает ряд недоумений. Дело в том, что вплоть до XIII в. Херсонес оставался территорией Византии, где обращение в рабство монахов было недопустимым явлением. Что же касается евреев, то они, как и язычники, вообще не имели права обладать рабами-христианами⁴⁵. Учитывая то обстоятельство, что покупка рабов так или иначе была публичным актом, вызывает удивление не только невмешательство в данную ситуацию византийских властей (в Патерике оно объясняется тем, что глава города был иудей), но и молчание самой христианской общины Херсонеса, в том числе местного епископа. Однако последовавшее вскоре наказание местных иудеев, если сведения о нем не были преувеличением агиографа, санкционированное, согласно рассказу, василевсом, дает основание полагать, что кем-то все же была составлена и отправлена в Константинополь жалоба. Иное дело, что имя ее автора осталось неизвестным. Так или иначе, но почитание преподобного Ев-

⁴¹ Киево-Печерский патерик... С. 366–369.

⁴² Там же. С. 368–373.

⁴³ Там же. С. 372–373.

⁴⁴ С одной стороны, такая смерть уподобляла Евстратия Христу, также распятому на кресте и уязвленному копьем. С другой стороны — страдание Евстратия в описанном варианте непременно должно оцениваться в контексте антииудейской полемики и параллелей с историей мальчика Вильяма Норвичского, подобным же образом, согласно легенде, распятого и убитого иудеями. И в первом, и во втором случае преступники избавились от тел жертв (*Петрухин В.Я.* К дискуссии о евреях в Древней Руси: национальный романтизм и «улыбка Чеширского кота» // *Ab Imperio.* 2003. № 4. С. 656; *Ланченко А.А.* Кровавый навет // *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект.* М., 2004. С. 161–168).

⁴⁵ *Литаврин Г.Г.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб., 2001. С. 494; *Бартош А.Е.* Херсонес и Тмутаракань — места духовного подвига преподобных отцов печерских // *Софія: Культурологічний журнал.* 2005. № 1. С. 136–145.

страдания как мученика сложилось вскоре после смерти инока, и инициаторами его прославления стали жители города⁴⁶. Поэтому можно сделать вывод, что ответственность за выпавшие на долю Евстратия мучения лежит в том числе и на христианской общине Корсуни. Несомненно, история Евстратия должна рассматриваться в контексте антииудейской полемики конца XI – начала XII вв. Тем не менее, сама историческая и историко-бытовая канва истории Евстратия примечательна и крайне драматична, если учесть, что события разворачивались на «христианских» территориях.

Но наиболее интересными для анализа и наблюдения видятся страдания и мученический подвиг еще нескольких монахов: князя-инока Игоря⁴⁷, а также печерских насельников Григория Чудотворца⁴⁸, Феодора и Василия⁴⁹. Драма их жизни, страданий и смерти во многом раскрывается в том, что все они были мучимы и погибли от рук либо киевской толпы, либо князей⁵⁰, не защищенные ни княжеским судом, ни митрополитом, ни игуменом, ни братией монастырей. Едва ли можно отрицать и тот факт, что виновники страданий и гибели мучеников были христианами. Это подводит к крайне неприглядному вопросу: сколько стоила жизнь инока? Нельзя не заметить и того, что виновники гибели монахов не понесли какой-либо прямой ответственности ни за причиненные им страдания, ни даже за совершенные убийства. Отмщение совершал лишь Господь. И такое пренебрежение к монашеству хорошо просматривается не только со стороны князей, но и со стороны рядового населения.

Изложенные выше соображения можно рассматривать как лишь один из подходов к проблеме исследования мученичества в Древней Руси. Однако уже первые наблюдения позволяют сделать вывод, что выпадавшие на долю древнерусского монашества испытания и страдания чаще всего наступали вследствие деятельности и поступков людей, также принадлежавших к христианской среде. Мученичество на Руси порой принципиально отличалось от мученичества в исходном его понимании, поскольку принятые страдальцами испытания были вызваны не религиозными разногласиями, а обычной человеческой жадностью

⁴⁶Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника... С. 495; Лопухина Е.В., М.В.Л. Евстратий [Источники] // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 329-330.

⁴⁷ПСРЛ. Т. 2. Стб. 349–354.

⁴⁸Киево-Печерский патерик... С. 406–413

⁴⁹Там же. С. 442–457.

⁵⁰Князя Ростислав и Мстислав Святополчич (Киево-Печерский патерик... С. 410–411; 452–455).

и жестокостью, повлекшими за собой преступные деяния, и в значительном числе случаев никак не могут рассматриваться вполне как преследование за веру. В этом отношении подвиг и лик ряда печерских отцов более близок к подвигу и церковному лику святых Бориса и Глеба.

Источники и литература

1. *Асеев Ю.С.* Архитектура Древнего Киева. Киев: Будівельник, 1982. 160 с.
2. *Афанасий Александрийский, свт.* Житие Антония Великого // Православная электронная библиотека. URL: lib.pravmir.ru/library/readbook/54 (дата обращения: 23.04.2015).
3. *Бартош А.Е.* Херсонес и Тмутаракань — места духовного подвига преподобных отцов печерских // Софія: Культурологічний журнал. 2005. № 1. С. 136–145.
4. *Беспашотная Е.П.* Антоний Великий [Гимнография] // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 662–663.
5. *Васильев В.П.* История канонизации русских святых // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1893. Кн. 3(166). 256 с.
6. *Войтенко А.А.* Антоний Великий // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 659–662.
7. *Войтенко А.А.* Культ св. Антония Великого в византийском Египте // Византийский временник. М.: Наука, 2013. № 72(97). С. 147–163.
8. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.
9. Вопрошание Кириково (Перевод) // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. 7; [отв. ред. И.А. Григорьева]. М.: Кругъ, 2011. С. 413–428.
10. Въ тѣхъ д[е]нь съказание и страсть и похвала с[вя]т[и]ю м[у]ч[е]н[и]коу бориса и глеба г[оспод]и бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]че // Успенский сборник XII–

- XIII вв. / ИРЯ АН СССР; [под ред. С.И. Коткова]. М.: Наука, 1971. С. 42–58.
11. *Гайденко П.И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
 12. *Гайденко П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
 13. *Гайдуков Н.Е., Днепровский Н.В.* Типология и структура комплексов, включающих пещерные храмы юго-западной Таврики // Пещерные церкви и монастыри Византии и Руси. Материалы международной научно-практической конференции. Саранск: Саранское духовное училище, 2011. С. 19–22.
 14. *Герасименко Н.В.* Антоний Великий [Иконография] // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 663–664.
 15. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. 597 с.
 16. *Гордиенко Э.Л.* Избранные святые новгородской монументальной живописи в системе богослужения XI – начала XIII в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2014. № 1. С. 5–13.
 17. *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.
 18. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305–392, 456–458.
 19. *Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: В 2 т. Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. / ИА АН СССР; [отв. ред. Н.Н. Воронин]. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 661 с.
 20. Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII век / под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.
 21. *Клосс Б.М.* Житие Федора Варяга и его сына // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития.

- Послания / Аннотированный каталог-справочник; [под ред. Я.Н. Шапова]. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003. С. 213–214.
22. *Костромин К.А.* Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI – сер. XII вв.): Страницы истории межцерковных отношений. Saarbrücken: Sanktum, 2013. 149 с.
 23. *Литаврин Г.Г.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 2001. С. 478–495.
 24. *Лопухина Е.В., М.В.П.* Евстратий [Источники] // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2008. Т. 17. С. 329–330.
 25. *Лукин П.В.* Сказание о варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе: Текстологический аспект // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2009. № 4(38). С. 73–96.
 26. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриарха (988–1240) / науч. ред. А.В. Назаренко. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
 27. *Мильков В.В.* Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // *Россия XXI век.* 2010. № 6. С. 90–123.
 28. *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Изд-во Кругъ, 2011. 544 с.
 29. *Михайлов К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы десятинная // *Российская археология.* 2004. № 1. С. 35–45.
 30. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2002. 784 с.
 31. *Никитенко М.М.* Пещеры Киевской Лавры: их истоки и миссия // *Византийский временник.* М.: Наука, 2005. № 64(89). С. 181–188.
 32. *Никулина Е.Н.* Агиология: курс лекций. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 312 с.

33. *Ольшевская Л.А.* «Прелесть простоты и вымысла...» // *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 233–252.
34. Остатки дворца св. кн. Владимира // *Вера и разум.* 1911. № 18 (сентябрь). Кн. 2. С. 845–856.
35. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // *Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 282–288.
36. *Панченко А.А.* Кровавый навет // *Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект.* М.: ОГИ, 2004. С. 161–168.
37. *Петрухин В.Я.* К дискуссии о евреях в Древней Руси: национальный романтизм и «улыбка Чеширского кота» // *Ab Imperio.* 2003. № 4. С. 653–658.
38. *Пивоварова Н.В.* Фрески церкви Спаса на Нередице: Иконографическая программа росписи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 256 с.
39. *Раймер И.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Berlin: Logos Verlag, 1996. 256 с.
40. Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю Ярославу Владимировичу // *Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 1: Домонгольский период / сост., авт. вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 154–161.
41. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // *Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И.Н. Данилевский.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 174–190.
42. *Смолич И.К.* Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 1999. 608 с.
43. *Тальберг Н.* История Русской Церкви. Джорданвиль, 1959. 924 с.
44. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. СПб.: «Наука», 2008. 350 с.
45. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200 / под ред. Д.М. Буланина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.

46. Харин Е.С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы / Дисс. к.и.н. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2007. 185 с.
47. Шахматов А.А. Как назывался первый русский святой мученик? // Известия Императорской академии наук. 4 серия. 1907. № 9. С. 261–264.
48. Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни. Т. 2: Пещерные святыни христианской Руси: генезис, функционирование, контекст / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. К.В. Чистов. СПб.: Наука, 2010. 639 с.
49. Этингоф О.Е. Византийские иконы VI – первой половины XIII века в России. М.: Индрик, 2005. 768 с.